

СРЕДНЯЯ ШКОЛА

ЗАБЕРИТЕ МЕНЯ
ОТСЮДА!

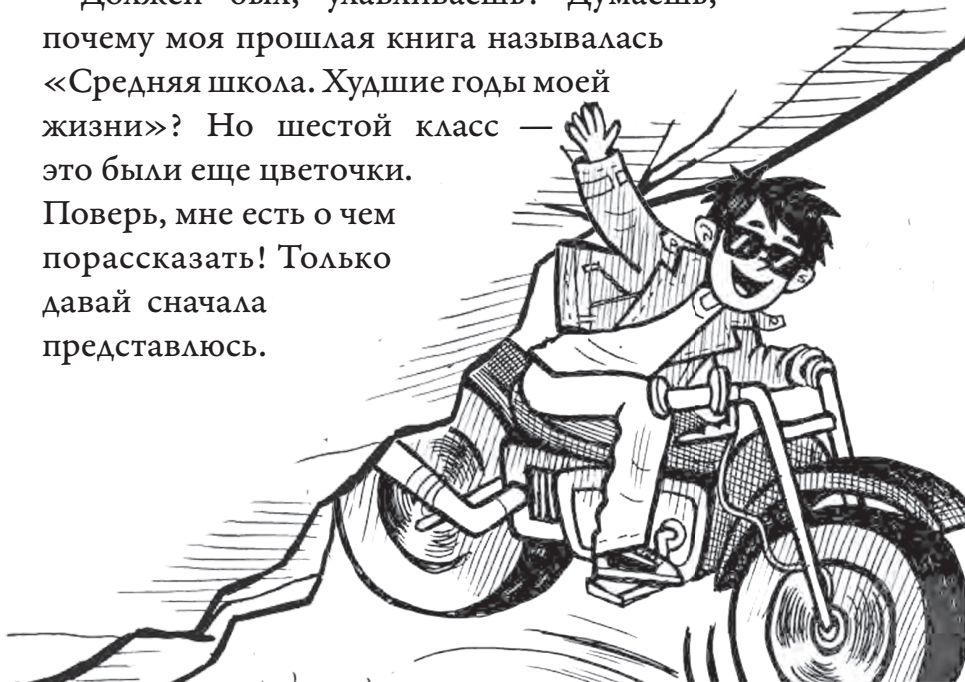
ГЛАВА 1

ВЖУХ!

Кто бы мог подумать, сколько всего может измениться за одно лето! Я — точно не мог. И Молчун Леонардо, мой лучший друг, — тоже.

И в Эйрбруке наверняка такого никто не ждал. Эйрбрук — это школа искусств, осенью я должен был перейти к ним в седьмой класс.

Должен был, улавливаешь? Думаешь, почему моя прошлая книга называлась «Средняя школа. Худшие годы моей жизни»? Но шестой класс — это были еще цветочки. Поверь, мне есть о чем порассказать! Только давай сначала представляюь.

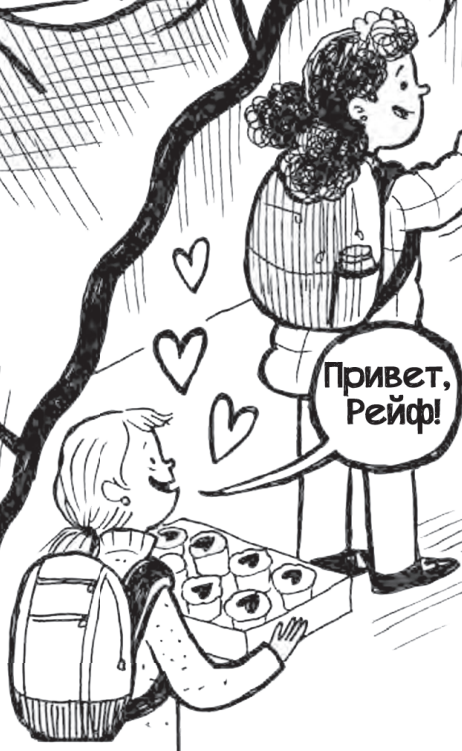
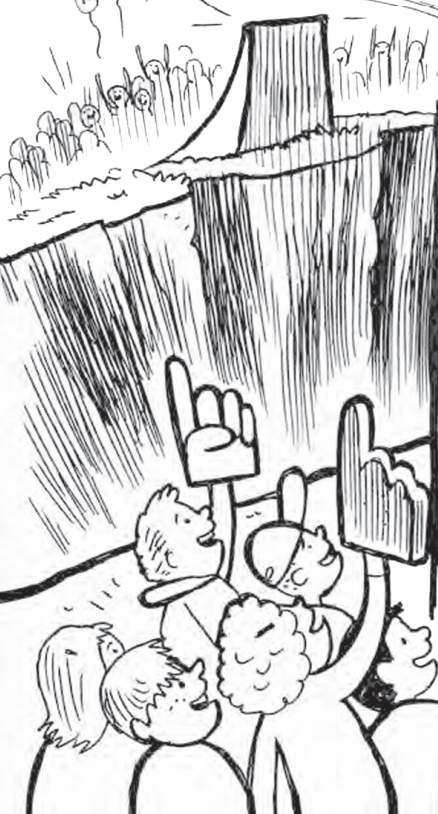
Я Рейф Катчадориан!

Вперед,
Рейф!

Рейф

Привет,
Рейф!

РЕЙФ

Привет,
Рейф!

Привет,
Рейф!

Привет,
Рейф!

Рейф

Рейф

Вообще-то
я -
Рейф
Катчадориан.

Привет,
Рейф!

В любом случае я должен был это предвидеть.
У меня жизнь всегда такая сумасшедшая: только начинает налаживаться, как бах-тарарах,
и все опять вверх тормашками. Неприятности на меня буквально с неба сыплются.

ЗВЕЗДЫ
НЕ ЛГАЛИ!

Нет, ну что
может
случиться-то?

НЕБО
ПАДАЕТ!

КАРАУЛ!

Все перевернулось вверх дном в тот день, когда сгорело кафе «У Свифти».

А произошло это так. Понимаешь, есть такая специальная штука под названием жироловка, и вот такая жироловка висела над грилем, в котором Свифти (он же Фред) жарил по пятнадцать дюжин жирных бургеров каждый день. И жироловку эту надо регулярно чистить, иначе она превращается в огромный горючий шар, который только и ждет подходящего момента, чтобы вырваться.

Угадай, что было дальше.

Сам я ничего этого не видел. Я торчал в подсобке — убивал время, ждал, когда у мамы закончится смена. И вдруг услышал оглушительное «ВЖУХ!». Все начали кричать, пожарная сигнализация завывала, и тут я почуял запах дыма.

Через секунду в подсобку вбежала мама.

— Выходи, Рейф, — сказала она. — За мной! Быстро!

И выволокла меня через черный ход.

Пострадать никто не пострадал, но, когда приехали пожарные, в окна полыхало и языки пламени уже лизали крышу.

Пожарные сбили огонь, но к этому времени кафе Свифти превратилось в кучу углей. Все было черное и дымилось, от кафе осталось одно воспоминание.

И это еще не все.

Конец кафе — значит, конец маминой работе.

Конец работе — конец деньгам, нечем больше платить за аренду дома.

Нет денег на аренду — пришлось нам паковать и выметаться на улицу.

(Видишь, как все изменилось? Я же говорил!)

Мы переехали к бабушке Дотти, потому что больше было просто некуда. Бабушка сказала, что мы можем жить у нее сколько захотим, этим она нас очень выручила, одна беда: дом у нее был в большом городе, милях в восьмидесяти от нас, а значит, прости-прощай мечты об Эйрбруке. Ждет меня теперь седьмой класс какой-нибудь городской школы, где таких, как я, каждый день перемальвают на котлеты.

Ну, сам видишь, да? Первая глава еще не кончилась, а мне опять все начинать с нуля. Ты там еще не запутался во всей этой чехарде? А это ведь еще только начало, и я говорю —

Прощай, Хиллз-Виллидж!

Прощайте, редкие минуты везения!

Здравствуй, седьмой класс!

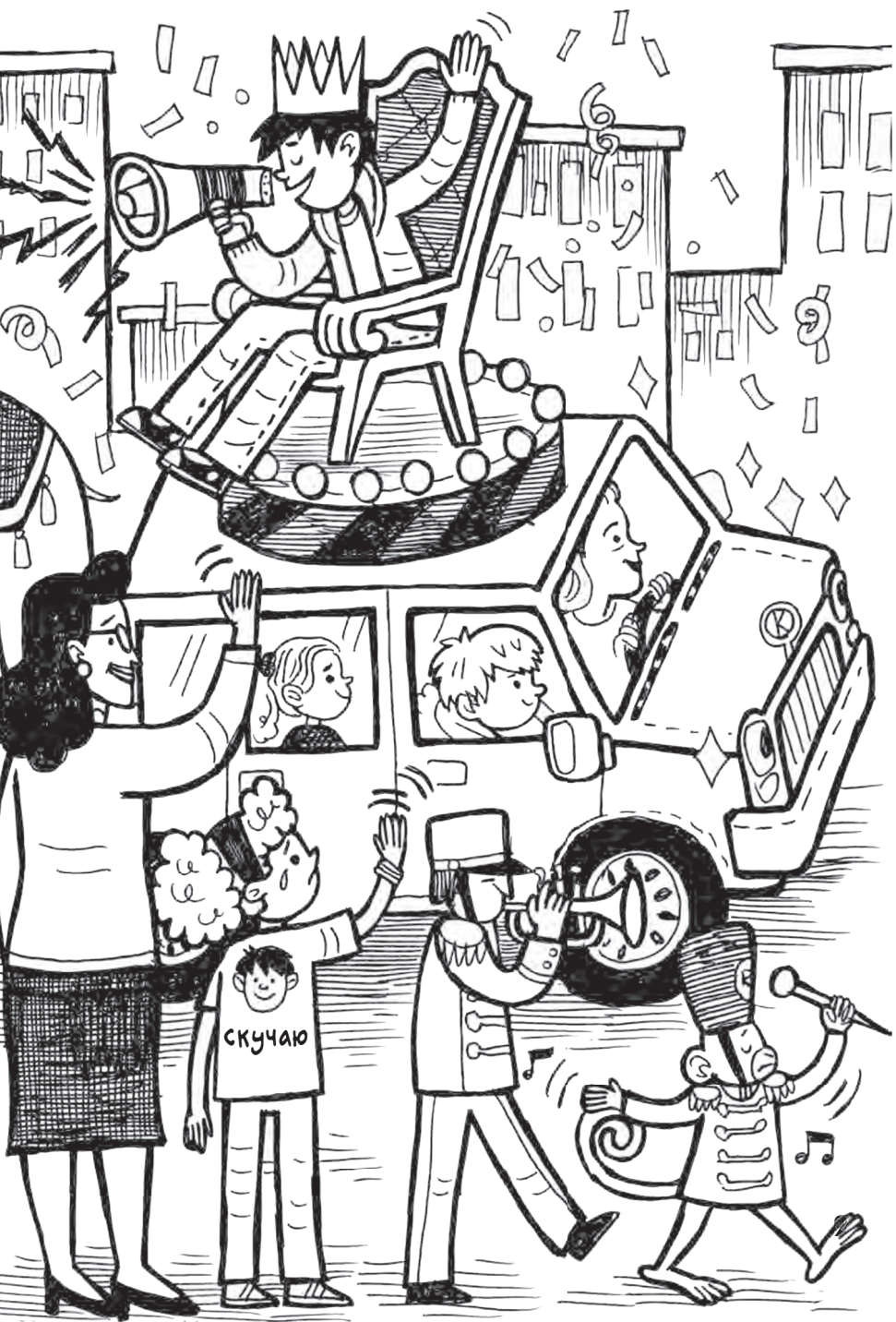

ГЛАВА 2

ПЕРЕЕЗД

Вот как выглядел Хиллз-Виллидж в тот день, когда мы уезжали. Скромненько, но со вкусом.

ИЛИ ТИПА ТОГО

Ну помечтать-то можно?

Если мы с тобой уже знакомы, ты наверняка знаешь, что у меня «живое воображение» (по словам мамы), или «склонность приврать» (а это уже учителя говорят).

А мне просто нравится видеть все по-своему, все, что со мной случается. Но ты не волнуйся, я тебе голову морочить не буду. По правде говоря, в день, когда мы уезжали из города, все выглядело вот так:

Видите, мне машут? Это миз Донателло и Джеанна Галлатта — кроме них никто в средней школе Хиллз-Виллидж на меня и смотреть не хотел.

Миз Донателло преподавала у нас в шестом классе английский. Я всегда называл ее Драко-нихой, но в конце концов она обернулась человеком. И в Эйрбрук меня тоже она направила — это еще до того, как мои грандиозные планы на будущее накрылись медным тазом.

А Джеанна, она ко всем хорошо относится, так что, может, это и не считается. Я сказал ей, что постараюсь поддерживать связь, а она сказала, чтобы я тогда оставлял сообщения на ее школьной ученической страничке. Это, наверное, хороший знак, да? Понимаешь, я совсем не знаю, как общаться с девчонками. Или с друзьями. И уж тем более... с особенными девчонками. Но если я по кому и буду здесь скучать, так это по Джеанне.

В общем, если ты еще не понял, дорогой мой читатель, в Хиллз-Виллидж по мне плакать не будут. И это еще мягко сказано.

А если хочешь узнать почему — открывай следующую главу.

ГЛАВА 4

ТОП-10 (НА САМОМ ДЕЛЕ ВСЕГО ШЕСТЬ)

Шесть величайших достижений Рейфа Катчадориана за время учебы в шестом классе (только не падай со стула):

№ 1

Я МНОГО ЗАНИМАЛСЯ БЕГОМ

№ 2
СОЗДАЛ
НАСТОЯЩЕЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЕ
ИСКУССТВА

№ 3
ПРОКАТИЛСЯ
С ВЕТЕРКОМ

№ 4
НАУЧИЛСЯ
КРАСИТЬ
СТЕНЫ

№ 6
ЛЕТО ПРИШЛО РАНЬШЕ СРОКА

ГЛАВА 5

Наш воздух теперь

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В БОЛЬШОЙ ГОРОД!

Вы прощаетесь
с Хиллз-
Виллидж

Детям
до 12 лет
колотушки
бесплатно!

Небоскреб

теперь чище на 0,002%!!

Небоскре-
бище

Клопы и
компания

Земля страданий
ПАРК

Плата за вход:
деньги
или жизнь!

Большой
город!

Там на
улицах мусора
пруд пруди!

Город не несет
ответственности за
утерянное и украденное...
сами следите
за своим кошельком
(и жизнью тоже)!

- Там будет так здорово, — говорила мама всю дорогу до города. — Как мне хочется все вам показать! Там столько всего интересно, а парк какой замечательный!

Я послушал-послушал, да и бросил.

И Джорджия, моя сестра, тоже вроде особо не прислушивалась. Мы просто глазели в окно, пытаюсь понять, как тут вообще можно жить.

Что это был за город? Да любой назови — Нью-Йорк, Чикаго, Бостон, Саут-Бенд, Бойсе, Омаха... Сплошные сверкающие небоскребы, чистенькие тротуары без единой пылинки, и повсюду — миллионы счастливых людей, на которых деньги с неба сыплются. Представил?

А теперь представь все то же самое, только наоборот. Получилось?

Добро пожаловать в город бабушки Дотти. Он же наш новый дом.

— И ты здесь выросла? — спросила Джорджия, не то чтобы радостно.

— Здесь раньше было... иначе, — сказала мама, но, кажется, она имела в виду «лучше». Теперь я понял, почему бабушка приезжала к нам в Хиллз-Виллидж, а не мы к ней.

Дома в квартале стояли тесно-тесно, стенка к стенке. Ни лужаек перед входом, ни садика сбо-

ку. Одни только тротуары. Я заметил кучу мусорных баков и граффити.

— У меня здесь никогда не будет друзей, — заныла Джорджия.

— Ну что ты, детка, — сказала мама. — Я понимаю, тут все не так, как ты привыкла, но раскисать нельзя. Будь твердой.

— Ладно, — сказала Джорджия. — Я твердо уверена, что у меня здесь никогда не будет друзей.

Мама тяжело вздохнула.

— А ты что скажешь, Рейф? Готов шагнуть в большой город, а?

— Ага, — сказал я. — Это можно.

По правде говоря, я целиком и полностью разделял чувства Джорджии. Жить мне здесь не хотелось ни капельки, и уж тем более — в школу ходить.

Вот только сестренка не умеет вовремя закрыть рот. А я, в отличие от нее, понимаю, что мама и так делает все, что в ее силах.

— Ну, приехали, — сказала мама и остановила машину у пятого по счету дома, если считать с конца квартала. — Килларни-авеню, шестьсот двадцать пять.

Джорджия издала такой звук, с каким кошка отплевывается от волосяного кома.

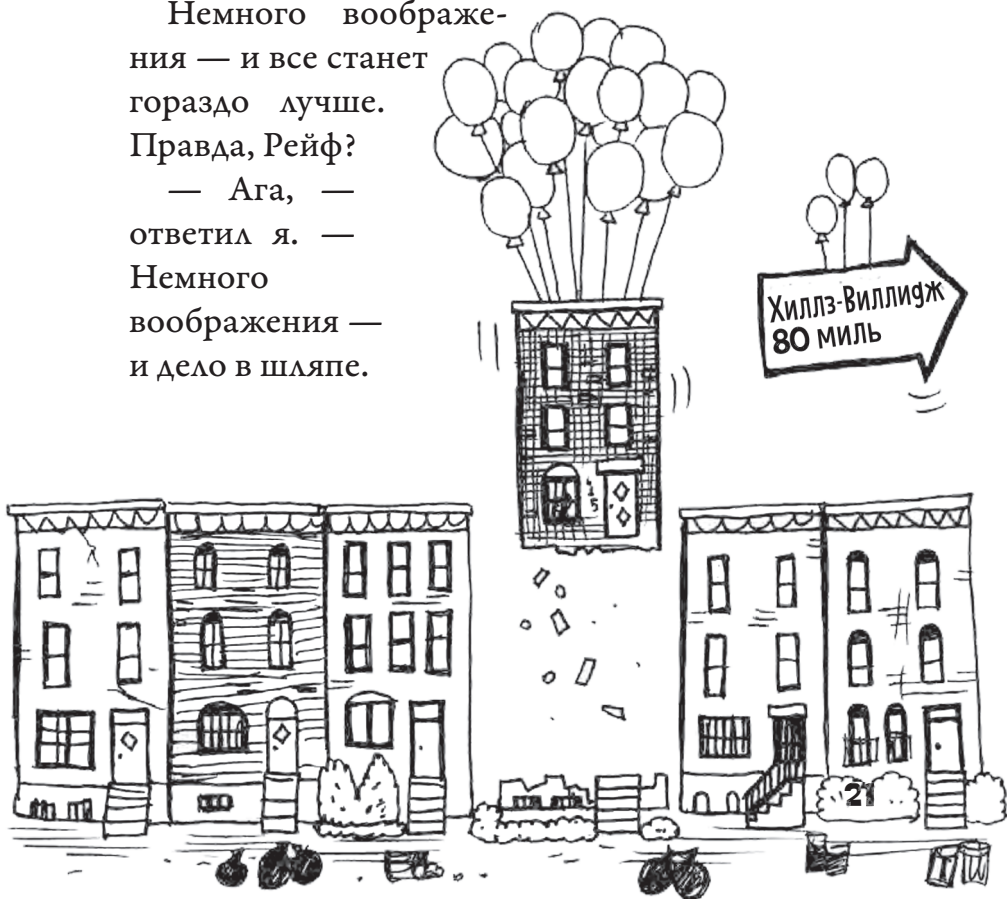
— Да это самый уродливый дом на всей улице! — сказала она.

— Просто его не помешало бы подновить, — сказала мама. — Сама увидишь.

Немного воображения — и все станет гораздо лучше. Правда, Рейф?

— Ага, — ответил я. —

Немного воображения — и дело в шляпе.

ГЛАВА 6

ПОД ЗАВЯЗКУ

Мама говорила, что бабушка Дотти — большая барахольщица. По правде говоря, я никогда не задумывался о том, что это значит. Я просто представлял себе:

Но стоило нам войти в дом, и я понял. Если бы бабушкин дом нужно было описать в два слова, я бы сказал — «под завязку».

— Входите, входите, входите! — приговаривала бабушка, тиская нас как сумасшедшая. — У вас много вещей? Помочь принести из машины? — это она маму спросила.

— Да нет, немного, — ответила мама.

Большую часть своего добра мы оставили в Хиллз-Виллидж, сняли там большой отсек для хранения.

— Вот и славно. А то у меня в шкафах места

для вещей маловато, — сказала бабушка, хотя лично мне показалось, что всяким там Рейфам, мамам и Джорджиям тут тоже не поместиться. — Что это вы приуныли, ребятки, как будто любимого пса потеряли? — спросила бабушка у нас с Джорджией.

— Они просто устали, — сказала мама. — Денек был не из легких.

— У малышки совсем глаза слипаются, — сказала бабушка, поглядев на Джорджию. — А ты, Ральф, наверное, готов лошадь съесть.

— Э-э... — сказал я, а про себя подумал:

Ральф???

Тут мне окончательно все разонравилось.

— Рейф, мама, не Ральф, — поправила мама.

— Ох, да, конечно, — спохватилась бабушка. — Прости, Рейф. Я просто оговорилась. Ну, кто у нас проголодался?

Я посмотрел на маму, а она кивнула, мол, все в порядке. Не знаю, что там бабушка приготовила, но запах был просто обалденный, точь-в-точь, как от лазаньи, которую нам дома готовила мама.

Когда мы вошли в кухню, там оказалось еще кое-что очень знакомое.

— Это же ты рисовала, правда? — спросил я маму.

— Ну да, — ответила она.

В последний раз я видел ее картины в кафе «У Свифти», но там они превратились в дым — вместе со всем кафе.

— В этом доме твою маму чтут как великую художницу, — сказала бабушка. Повернулась к маме и поклонилась ей.

Мама засмеялась. Джорджия тоже — кажется, впервые за всю неделю.

— Так-то лучше, — сказала бабушка. — Гораздо лучше.

Она потянулась, пощекотала Джорджии шею, и вскоре мы уже все хохотали.

— Вот теперь я вас узнаю! — сказала бабушка и снова начала меня обнимать. — Нам будет так хорошо вместе, правда, Ральф?

НОЧНАЯ ЖИЗНЬ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

Уже два часа ночи, а у меня сна ни в одном глазу. Мама сказала, чтобы я выбирал, где буду спать — на диванчике внизу или в гостевой комнате вместе с Джорджией. Как будто тут могут быть варианты. Внизу хоть как-то можно уединиться.

Но уснуть все равно не получается. Мысли все об одном: как прожить следующий год. Он даже еще не начался, но я знаю твердо, что ничего хорошего он мне не сулит.

В конце концов мне удастся задремать, но тут в мой сон вламывается Молчун Лео.

— Что делаешь? — спрашивает он.

— Засыпаю, — отвечаю я.

— Ты не засыпаешь, а куксишься, — говорит

Лео. — Ты чего вообще? Вокруг же огромный город. Нам есть чем заняться!

Тут он, конечно, прав.

Я выпрыгиваю из постели (или — спрыгиваю с дивана?), и мы с Лео сооружаем под одеялом куклу Рейфа, с кривой-косой маской вместо лица на случай, если мама или бабушка решат заглянуть посреди ночи. Потом мы натягиваем шпионские костюмы-невидимки и выскакиваем за дверь. Секунда — и под ногами у нас дорога.

— Куда хочешь сначала? — спрашивает Лео.

— Куда-нибудь повыше, — говорю я. — Давай глянем, куда это мы попали.

— Отличный выбор. — И Лео показывает на улицу, ведущую к самому высокому зданию города. — Хорошо, что я взял с собой все для скалолазания.

Беззвучно, как тени, мы скользим по темным переулкам, ныряем в потайные проходы — Лео отлично знает, где можно срезать, — и вот уже мы стоим у подножия супермегабашен.

— Триста этажей — вот, значит, как это выглядит, — говорю я.

— Подожди, сейчас посмотришь оттуда вниз, — говорит Лео.

Мы натягиваем снаряжение, надеваем ботинки с присосками и устремляемся к небу.

— Не смотри вниз, пока не поднимешься до самого верха, — говорит Лео. — Все удовольствие испортишь.

Тут он тоже прав. Мы стоим на крыше небоскреба, и отсюда видно на много-много миль вокруг.

— В Хиллз-Виллидж так не ползаешь, — замечает Лео.

Автомобили внизу маленькие, как муравьиш-

ки с крошечными глазками-фарами; город простирается передо мной как огромная игровая доска. Осталось решить, каким будет мой следующий ход.

— Может, и не такой уж плохой будет год, — говорю я.

— Понравилось? — говорит Лео. — А спуск будет — вообще закачаешься.

Над горизонтом поднимается край солнца, а мы поднимаем над собой крыло дельтаплана. Как быстро пролетела моя первая ночь в большом городе! Скоро проснется мама; надо возвращаться.

Но какой же классный вид!

